

„Парижъ. 1 (13) октября 1861. Rue de Rivoli, 210.

„Любезнѣйшій П. В., примите отъ меня искреннюю благодарность за ваше письмо, въ которомъ высказывается мнѣніе о моей повѣсти. Оно меня очень порадовало, тѣмъ болѣе, что до вѣріе къ собственному труду было сильно потрясено во мнѣ. Со всѣми замѣчаніями вашими я вполне согласенъ (тѣмъ болѣе, что и В. П. Боткинъ находитъ ихъ справедливыми) и съ завтрашняго дня принимаюсь за исправленія и передѣлки, которыя примутъ, вѣроятно, довольно большіе размѣры, о чемъ уже я писалъ къ Каткову. Времени у меня еще много впереди. Боткинъ, который видимо поправляется, сдѣлалъ мнѣ тоже нѣсколько дѣльных замѣчаній и расходится съ вами только въ одномъ: ему лицо Анны Сергѣевны мало нравится. Но мнѣ кажется, я вижу, какъ и что надо сдѣлать, чтобы привести всю штуку въ надлежащее равновѣсіе. По окончаніи работы я вамъ ее пришлю, а вы доставите ее Каткову. Но довольно объ этомъ и еще разъ искреннее и горячее спасибо.

„Остальныя извѣстія, сообщенныя вами, невеселы. Что дѣлать! Дай Богъ, чтобы хуже не было! Пожалуйста, — *tenez moi au courant*. Это очень важно, и я опять-таки надѣюсь, на ваше всегданнее и старинное благодуміе.

„Здѣсь (то-есть у меня) идетъ все порядочно и здоровье мое недурно... Только и я имѣю вамъ сообщить не совсѣмъ веселое извѣстіе: послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, я послалъ Толстому вызовъ и сообщилъ его Кетчеру для того, чтобы онъ противодействовалъ распущеннымъ въ Москвѣ слухамъ. Въ этой исторіи, кромѣ начала, въ которомъ я виноватъ, я сдѣлалъ все, чтобы избѣгнуть этой глупой развязки; но Толстому угодно было поставить меня *au pied du mur* (Тютчевы могутъ вамъ подробно рассказать все)—и я не могъ поступить иначе. Весною въ Тулѣ мы станемъ другъ передъ другомъ. Впрочемъ, вотъ вамъ копія моего письма къ нему:

„М. г. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я узналъ, что вы распространили въ Москвѣ копію съ послѣдняго вашего письма ко мнѣ, причемъ называете меня трусомъ, не желавшимъ драться съ вами, и т. д. Вернуться въ тульскую губ. было мнѣ невозможно, и я продолжалъ свое путешествіе. Но такъ какъ я считаю подобный вашъ поступокъ, послѣ всего того, что я сдѣлалъ, чтобы загладить сорвавшееся у меня слово—и оскорбительнымъ, и безчестнымъ, то предваряю васъ, что я на этотъ разъ не оставляю его безъ вниманія и возвращаясь будущей весной въ Россію, потребую отъ васъ удовлетво-